

1. Начало нового ракетного кризиса

В середине 70-х гг. сложился примерный паритет стратегических ядерных сил между СССР и США. Каждая сторона утверждала, что противник несколько превосходит ее по тем или иным видам ядерного оружия и его носителей. Но в условиях, когда любой из противников мог уничтожить все живое на планете, состояние паритета стало фактом, не зависящим от незначительных колебаний в числе носителей и боеголовок. По данным министра обороны США К.Уайнбергера, США имели в 1979 г. 20400 боеголовок всех типов, а СССР — 3400 (данные о советских вооружениях приблизительно, другие американские исследователи дают иные данные, обычно меньшие). Но боеголовка боеголовке рознь. По данным маршала С.Ахромеева, первого заместителя начальника Генерального штаба Министерства обороны, в 1980 г. СССР имел 8000 стратегических зарядов, а США 9700¹.

После подписания Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) продолжались переговоры об их более жестких ограничениях. Однако в 1977—1978 гг. процесс переговоров постепенно затормозился. Демократическая администрация Д.Картера выступала за более решительные действия, чем согласованные на переговорах Брежнева и Форда во Владивостоке. Советская сторона предпочитала придерживаться эволюционного порядка переговоров и подозревала американцев в стремлении «переиграть» СССР или добиться пропагандистского успеха. В итоге новые мирные инициативы Картера только замедлили подготовку нового соглашения ОСВ-2. 25 февраля 1977 г. Брежнев писал Картеру: «продвижение вперед к высоким целям никак не ускорится, а, наоборот, затруднится, если будем подменять взвешенный, реалистический поход к определению дальнейших конкретных шагов выдвижением заведомо неприемлемых предложений»². Торможение реальных переговоров усиливалось как конфликтами в Третьем мире, так и активизацией американской кампании в защиту диссидентов. Демократический пафос выступлений Картера против советской общественной системы постепенно усилился и во многом предвосхищал последующие выступления Р.Рейгана. Но, в отличие от своего преемника, Картер был достаточно принципиален, чтобы мерить одной мерой и врагов, и друзей. Для республиканцев такая честность была непонятна: «Картер сделал права человека альфой и омегой своей внешней политики и пропагандировал их столь интенсивно применительно к американским союзникам, что его призыв к праведности то и дело угрожал внутреннему единству в этих странах»³. Похоже, Картер был последним принципиальным президентом США в этом столетии. То, что для него было идеалом, для последующих президентов Америки стало инструментом. Но и такой слегка наивный идеализм позволил сделать невиданный прежде прорыв в защите прав человека, когда эта проблема заняла одно из ключевых мест в отношениях сверхдержав.

В самой администрации Картера не прекращалась борьба между «голубыми» во главе с государственным секретарем Вэнсом и «ястребами» во

главе с советником президента по национальной безопасности Бжезинским. Отчасти пикировка двух политиков способствовала успехам американской дипломатии и напоминала игру в «добраго и злого следователя»: пока Вэнс добивался уступок от СССР, Бжезинский настаивал на более решительных антисоветских шагах. Но отсутствие единого курса администрации в конечном итоге затормозили ход переговоров по ОСВ-2, и Картер не успел провести свое с Брежневым детище через конгресс.

Договор ОСВ-2, подписанный во время встречи Брежнева и Картера в Вене 18 июня 1979 г., закрепил сложившийся паритет стратегических вооружений. Договор стал последним крупным внешнеполитическим успехом не только администрации Картера, но и администрации Брежнева. Однако и этот договор не был ратифицирован американским конгрессом, и администрация США до 1986 г. выполняла его условия «добровольно» (он был заключен до 1985 г.).

Договор ОСВ-2 ограничивал количество ядерных вооружений всех видов числом 2400. Были введены и некоторые другие ограничения, а также строгий механизм контроля. По мнению посла СССР в США А. Добрынина, «Договор отличался в лучшую сторону по сравнению с Владивостокскими договоренностями. Однако эти улучшения... были оплачены дорогой ценой — потеряно было драгоценное время...»⁴

Важным недостатком ОСВ-2 было отсутствие географического регулирования распределения ядерного оружия. Сохраняя общий баланс ядерных средств, сверхдержавы могли добиваться преимущества в важных для них регионах. Прежде всего это касалось Европы. Небывалая концентрация вооружений здесь была постоянным источником военной опасности.

Удаленность Европы от Америки делала ее соблазнительным театром военных действий для США. В 1978 г. НАТО планировало разместить здесь новый тип ядерного оружия — нейтронное, которое при прежней поражающей способности обладало меньшей разрушительной силой и глобальными эффектами. «Чистое» оружие, как казалось в американских штабах, было удачным инструментом локальной ядерной войны в Европе. Нейтронное оружие, таким образом, повышало угрозу ракетно-ядерной конфронтации, так как оно рассматривалось как «не совсем ядерное». Но идея массовых убийств при сохранении материальных ценностей вызвала возмущение европейской общественности, и от нейтронного оружия пришлось отказаться. 7 апреля 1978 г. Картер приказал приостановить нейтронный проект. Однако канцлер Германии Г. Шмидт считал, что защита Западной Европы от СССР недостаточна. Позиция руководства ФРГ совпадала с намерениями американских военных провести масштабную модернизацию и наращивание своих ядерных средств в Европе. Это стало одной из причин планирования ядерного довооружения в Западной Европе⁵. Другая причина крылась в действиях СССР.

Одновременно СССР также пытался модернизировать свои ядерные силы в Европе. Еще в середине 70-х гг. СССР продолжал настаивать на учете в переговорах по ОСВ преимуществ, которые имело НАТО в связи с размещением передовых средств ядерного базирования. Поскольку эта пози-

ция наталкивалась на сопротивление, руководство СССР решило действовать самостоятельно. В 1975 г. Брежнев и Устинов, даже не проконсультировавшись с Андроповым и Громыко, приняли решение о замене устаревших ракет средней дальности в Европе и в 1976 г. провели это решение на Политбюро, как вспоминал Громыко, «без серьезного обсуждения»⁶. В 1976—1977 гг. СССР начал менять устаревшие ракеты РСД-4 и РСД-5 (СС-4 и СС-5) на новые РСД-20 (СС-20). «Делалось это у нас, как всегда, в глубокой тайне (хотя западная разведслужба, конечно, засекла появление новых советских ракет) и без объяснения, что эти ракеты ставились на замену, а не в дополнение к уже существующим ракетам старого поколения»⁷, — пишет А.Добрынин. Это обеспокоило командование НАТО, так как новое более совершенное оружие могло эффективнее поражать цели в Европе. В НАТО стали обсуждать план компенсации возникающего советского перевеса новыми американскими ракетами («Першинг-II» и «Томагавк»).

Эта ситуация как нельзя лучше соответствовала планам НАТО провести общую модернизацию своего ядерного потенциала в Европе, который предстояло перевести с авиационных носителей на ракетные. Даже по мнению Киссинджера, «СС-20 явились скорее предлогом для развертывания американских ракет, чем его причиной...»⁸

Решение о возможности ядерного довооружения НАТО было принято на его сессии 30—31 мая 1978 г. Европейские союзники США надеялись использовать переговоры по ОСВ для сбалансирования ситуации в регионе, но Картер счел, что это еще более затруднит достижение соглашения, и не допустил европейцев к переговорам. По мнению И.Ванден Берге, «западно-германский канцлер Шмидт... был возмущен тем, что Картер не захотел размещать евrorакеты в рамках переговоров об ОСВ-2... Шмидт не верил, что США были готовы обеспечить эффективную защиту Западной Европы. Теперь же, чтобы доказать постоянное американское участие в обороне Западной Европы, и в НАТО, и в Пентагоне стала рассматриваться возможность размещения нового американского ядерного оружия в Западной Европе»⁹.

В 1979 г. НАТО еще не принял окончательного решения о размещении новых ракет. По воспоминаниям Г.Корниенко, «Запад подавал нам соответствующие сигналы: пусть СССР “раскроет карты”, из которых было бы видно, что он не станет развертывать ракет СС-20 больше (в пересчете на боеголовки), чем было ракет СС-4 и СС-5, а еще лучше — ограничится несколько меньшим их числом с учетом более высоких качественных характеристик. Тогда озабоченность западноевропейцев, как и вопрос о размещении новых американских ракет в Европе, будет снята»¹⁰. Об этом беседовали летом 1979 г. канцлер ФРГ Г.Шмидт с советским премьером А.Косыгиным. Но при обсуждении в Политбюро против такого варианта стал протестовать Министр обороны Д.Устинов: «Ишь чего захотели, раскрой им наши планы. Да еще скорректируй их! А кто даст гарантии, что они после этого откажутся от своих планов?»¹¹ «В московском Политбюро министр обороны докладывал: зачем вести переговоры? Ведь у нас ракеты, а у них — ничего. Так чем же они могут заплатить?» — пишет Г.Шмидт¹². Устинов считал,

«что НАТО все равно, что бы мы ни сделали, разместит в Европе свои новые ядерные ракеты средней дальности», и потому неважно, дадим ли мы им к этому поводы. «Что, снова будем плестись в хвосте?» — добавил он в разговоре с Громыко¹³. СССР не пошел на уступки. Политбюро согласилось с Д. Устиновым.

Позиция Политбюро игнорировала опасность размещения новых ракет вблизи СССР и преувеличивала влияние пацифистских сил в Европе, которым удалось в 1978 г. «завалить» размещение в Европе американского нейтронного оружия. Однако к осени кремлевское руководство с некоторым опозданием оценило масштабы угрозы — 6 октября Брежнев заявил о готовности демонтировать часть ракет СС-20 и вывести часть войск, если НАТО откажется от размещения американских ракет.

Запад не считал этот ответ удовлетворительным. Для США вопрос о размещении оружия средней дальности был не столько военным, сколько политическим. Америка стремилась усилить привязку к себе европейских союзников. В то же время Бжезинский развивал теорию, по которой атомный шантаж Западной Европы со стороны СССР может привести к ее «финляндизации»¹⁴. Правда, никаких признаков стремления СССР изменить после военного раздел Европы в это время не наблюдалось.

12 декабря 1979 г. на сессии НАТО было принято решение о размещении в Европе 108 ракет «Першинг II», способных достигать территории СССР в считанные минуты, и 464 крылатых ракет «Томагавк». Решение было «двойным» — оно оставляло возможность для переговоров с СССР, в итоге которых могло быть отменено. Однако СССР, столкнувшись с таким «шантажом» (или переговоры, или размещение ракет), выдвинуло свой ультиматум — отказ от «переговоров с позиции силы, переговоры — только после отмены «двойного решения. Одновременно пацифистское движение Европы вступило в бой с планом размещения ракет, но неуступчивость СССР ослабляла противников НАТО.

Безопасность Советского Союза оказалась под гораздо большей угрозой, чем прежде, что подрывало одну из основ внешней политики СССР. Брежнев болезненно переживал крушение политики «разрядки». В то же время Картер в условиях предвыборной борьбы с радикально националистической позицией Р. Рейгана решил играть «на поле противника» и демонстрировать неуступчивость в отношении СССР. Но Рейган здесь был гораздо сильнее.

В ходе предварительных консультаций по предотвращению размещения американских ракет встал также вопрос о необходимости учитывать ракеты союзников США — Англии и Франции. Это были суверенные страны, и они заявили о том, что имеют право на собственную ядерную самозащиту. США, в свою очередь, отрицали возможность учитывать ракеты, находящиеся под прямым американским контролем (в первую очередь это касалось Франции, которая даже не была членом НАТО). Однако президент Франции Ж. д'Эстен не скрывал, что «независимость Франции — это вовсе не нейтралитет. Соединенные Штаты были нашими союзниками, и в случае возникновения конфликта мы, конечно, выступим на их стороне, как об

этом дал понять де Голль во время кубинского «ракетного кризиса»¹⁵. Такая позиция исключала отказ СССР от учета французских и британских ракет.

Объявив все же о моратории на размещение своих ракет средней дальности, СССР при этом отказался вести переговоры без учета ракет союзников США и пошел по пути выставления предварительных условий («пока не будет отменено решение НАТО»).

После ввода советских войск в Афганистан международный климат еще более ухудшился. США объявили торговые санкции против СССР, а страны НАТО — бойкот Олимпийских игр, планировавшихся в Москве.

Однако СССР еще раз доказал свою способность концентрировать ресурсы на решающем участке: несмотря на отдельные технические и организационные сбои и подозрительную пустоту московских улиц (въезд в столицу был ограничен, молодежь в большинстве своем вывезена в лагеря отдыха, алкоголики — в «лечебно-трудовые профилактории»), СССР поразил участников масштабами подготовки к Играм и высоким уровнем их проведения, а также образцовой чистотой города и наполненностью прилавков (каковой Москва прежде не знала). Накануне Олимпиады в Москве и окрестностях проводились облавы, которые привели к задержанию 1262 человек (из них, правда, только 254 находились в розыске), изъято около тонны взрывчатки и 155 стволов незаконно хранившегося оружия (что само по себе говорит о масштабах вооруженности столичных жителей). За время Олимпиады количество грабежей сократилось на 43%, случаев нанесения тяжких телесных повреждений — на 34%, краж — почти на 30%, автомобильных аварий — на 37%¹⁶. Хотя государство не могло долго удерживать такие «высокие планки», на время столица СССР превратилась в «образцовый социалистический город».

На сторону Советского Союза встал Международный олимпийский комитет, который выступал категорически против политизации Игр.¹⁷ Агентство печати «Новости» опубликовало в зарубежной печати свыше 5 тысяч материалов об Играх. Ответная реакция западных СМИ была относительно мягкой, что позволило руководителям отделов пропаганды и внешнеполитической пропаганды Е.Тяжельникову и Л.Замятину сделать вывод о том, что *«нашим органам пропаганды удалось взять инициативу в свои руки, вести пропаганду в наступательном духе, упреждать разного рода выпады, в отдельных случаях определять направление освещения Игр и интерпретацию отдельных фактов... Буржуазные средства массовой информации все больше признают тот факт, что хорошие условия, четкое проведение соревнований, а также повседневное внимание к работе журналистов не позволяют использовать Московскую Олимпиаду для развертывания новой антисоветской кампании... Средства массовой информации западных стран, в том числе США и ФРГ, под давлением общественности вынуждены расширить рамки освещения соревнований и менять его тональность. Уменьшилось количество публикаций антисоветского и антиолимпийского характера»*¹⁸.

В целом этот раунд идеологической схватки СССР выиграл, но международный климат от этого не улучшился. Новая американская администра-

ция, пришедшая к власти в 1981 г., не была расположена к политике реального поиска компромисса с «коммунистами». Администрация нового президента США Р.Рейгана (1981—1988) была более консолидирована, чем администрация Картера, хотя и небесконфликтной.

Центральной фигурой команды был, как и положено, сам президент. Его имидж простоватого человека с примитивными взглядами на международную ситуацию был справедлив лишь в том отношении, что Рейган не был специалистом во внешней политике и смотрел на нее через призму предрассудков рядового консервативного американца. Это была дальновидная позиция, если учесть перспективы сохранения власти, но очень опасная линия в условиях международной конфронтации. Но обычно так и случается, что интересы борьбы за власть оказываются важнее судеб миллионов людей. Рейгану еще хватило политического чутья, чтобы в решающий момент почувствовать, как меняются предпочтения рядового американца, и пойти навстречу советским мирным инициативам, чтобы потом воспользоваться ситуацией и начать душить противника в объятиях. Один из учителей Рейгана на ниве дипломатии Г.Киссинджер так оценивал последнего президента времен холодной войны: «Внешнее добродушие Рейгана скрывало под собой невероятно сложную личность. Он был одновременно близок всем по духу и от всех далек, любитель разделить общее веселье, но в итоге настроенный одиночка... Бытует предание, будто бы Рейган был орудием тех, кто писал ему речи, но подобные иллюзии характерны для большинства работников такого рода. Но в конце концов, ведь именно сам Рейган отбирал себе людей, которые мастерили ему речи... Знакомство с Рейганом не оставляет никаких сомнений в том, что эти речи отражали его личные взгляды... Да, у Рейгана, возможно, было всего лишь несколько основных идей, но они-то как раз оказались стержневыми внешнеполитическими проблемами того периода»¹⁹. Эти характеристики во многом можно отнести и к противникам Рейгана — Андропову и Горбачеву. Но было и одно важнейшее отличие, которое помогло Рейгану добиться больших успехов. По словам того же Киссинджера, «одновременно он сознавал изначальную хрупкость советской системы, а его проницательность шла вразрез с мнением большинства экспертов, даже в его собственном консервативном лагере»²⁰. При этом Рейган недостаточно осознавал хрупкость западной системы и границы ее возможностей. Он верил в реальность создания систем «звездных войн» в ближайшее время, мог бросать ресурсы на алтарь противоборства, лишь через годы обнаруживая, что экономический кризис в США снова подходит к опасной черте. Советские лидеры, осознавая хрупкость своей системы, не готовы были блефовать. Они стремились к превентивной перестройке, которая могла бы поправить ситуацию до того, как кризис начнет перерастать в катастрофу. Они стремились к сохранению своей системы (пусть в измененном виде), а не к сокрушению чужой. И это стало важнейшей психологической причиной их поражения.

Наиболее умеренным в команде Рейгана «по должности» был госсекретарь А.Хейг, но и он был настроен против реальных уступок СССР. После его отставки в 1982 г. госсекретарем США стал Д.Шульц — осторожный,

чрезвычайно осторожный, прагматичный политик. Жестче и агрессивнее были ориентированы министр обороны К.Уайнбергер и «большая тройка» главных советников президента. Большое влияние на определение внешне-политической стратегии имел директор ЦРУ У.Кейси. По свидетельству сотрудника Рейгана Д.Ригана, Кейси был «просто помешан» на подрывных действиях против СССР. Кейси ставил советский режим на одну доску с гитлеровским, и потому оправдывал в борьбе с ним те же методы, которые применял против фашистов, будучи молодым офицером разведки. Взвешенные рапорты, учитывавшие как слабые, так и сильные стороны СССР, Кейси считал «белибердой» и не давал им хода к президенту. «Факты могут подводить», — говорил он, когда доклады расходились с его точкой зрения. Кейси убеждал Рейгана в том, что в СССР «ситуация хуже, чем мы представляли. Я хочу, чтобы вы сами увидели, насколько больна их экономика и насколько легкой мишенью они могут являться. Они обречены. В экономике полный хаос». Сотрудник Рейгана Д.Пойндекстер вспоминал: «Президент любил читать материалы разведки о советском народном хозяйстве. Особенно их анекдотическую часть, о заводах, простаивающих из-за отсутствия запчастей, об отсутствии твердой валюты, об очередях за продуктами питания»²¹. Действительно, с точки зрения стандартов западной экономики в СССР царил хаос. Регулярные перебои с поставками, использование продукции не по назначению, перепроизводство, диспропорции — все это также свидетельствовало о близкой гибели СССР, как безработица и падение производства в США в это же время предвещали гибель империализма в глазах кремлевских старцев. Но подобный «хаос» царил в советской экономике уже давно. В конце 70-х-начале 80-х гг. советская экономика вошла в период стагнации — не первой в ее истории. С точки зрения специалистов, в этом не было пока ничего особенно драматичного. Вернувшись из Москвы в 1982 г., А.Шлезингер писал: «те люди в Соединенных Штатах, которые считают, что Советский Союз находится на краю пропасти из-за кризиса в обществе и экономике и что достаточно лишь одного толчка, чтобы он развалился, занимаются самообманом... У каждой супердержавы есть свои экономические проблемы, но это не означает, что она уже лежит на ринге побежденной»²². Но для Рейгана подобранная ЦРУ информация была настоящим открытием — если в СССР царит такой беспорядок, то это значит, что советская экономика тяжело больна и ее можно добить. Нужно только подыскать сильный яд. Гонка ракетных вооружений казалась неплохим средством.

Профессиональные актерские способности Рейгана делали его склонным к тому, чтобы «играть на публику», использовать каждую возможность для агитационного эффекта как в мире, так и прежде всего в своей стране. По мнению К.Эдельмана, «публичная дипломатия является тем компонентом международных отношений, который он (Рейган — *А.Ш.*) лучше всего знает и в котором он силен больше всего»²³. Выступая в британском парламенте 8 июня 1982 г., Рейган провозгласил «всемирную демократическую революцию». «Сейчас я говорю о долгосрочной программе и вере в то, что марш свободы и демократии сметет марксистско-ленинские режимы на

свалку истории, как это уже случилось с другими тираниями, подавляющими свободу народов и их право на самовыражение»²⁴. Тогда это звучало как пустая декларация, однако уже шесть лет спустя всемирная революция под демократическими лозунгами развернется от Никарагуа до Бирмы и от СССР до ЮАР. Развивая мысль о новой мировой революции, Рейган утверждал: «мы видим силы тоталитаризма в мире, которые подрывают стабильность и разжигают конфликты по всей планете, чтобы продолжать яростное наступление на свободное человечество». Но «по всему миру наметились признаки того, что демократия находится на подъеме, и коммунизму угрожает развал. Он должен погибнуть от неизлечимой болезни, именуемой “тирания”. Он больше не может сдерживать энергию человеческого духа и врожденного стремления людей к свободе, и его конец неизбежен... Крах советского эксперимента не должен быть сюрпризом для нас»²⁵. Конечно, причины последующего крушения коммунистической системы были много глубже, чем те, о которых говорил американский президент. Консультировавшие его специалисты (а, может быть, и сам оратор) меньше всего думали о «стремлении к свободе», которая и на Западе была весьма относительной. Однако одно несомненно — руководство США располагало достаточной информацией о глубоком кризисе, в котором оказался СССР.

Противники Рейгана отмечали существенное противоречие в аргументации президента: «С одной стороны нас пытаются убедить в том, что русские близки к господству над миром, — пишет Ф.Черч, — с другой... Рейган заверяет нас... что российская империя разваливается. Если дело обстоит именно так, то к чему беспокоиться»²⁶. В действительности здесь была своя логика — СССР, даже разваливаясь, мог нанести смертельный удар по Западу, и если кризис Советского Союза предоставлял шанс покончить с этой угрозой, то следовало торопиться.

Конечно, военное соревнование также ложилось тяжелым грузом на экономику США, и американская администрация шла на грани экономических возможностей страны. В этом смысле борьба советского и американского руководств была в значительной степени борьбой нервов.

Советник-посланник посольства СССР в США А.Бессмертных вспоминал: «Вся утечка информации и рапорты от нашей разведки в США... говорили о том, что Вашингтон серьезно подумывает об уничтожении Советского Союза с первой попытки»²⁷. Советник президента Р.Аллен вспоминает о встрече с советским послом Добрыниным: «Они считали, что имеют дело с первоклассным сумасшедшим. И были смертельно напуганы... Держать Советы в уверенности, что Рейган не в своем уме, было его стратегией»²⁸. Приоритетной разведывательной задачей спецслужб Советского Союза было определено выявление приготовлений к ракетно-ядерному нападению со стороны США²⁹. Переписка двух лидеров показывает, что Брежнев в своей аргументации исходил из самоубийственности ядерной войны, в то время как Рейган признавал возможность ее ведения»³⁰.

В то же время и «меры доверия», предложенные Брежневым 6 марта 1981 г. для всей территории Европы, были расценены Рейганом как резуль-

тат его «твердой линии» и не заставили американского президента искать компромисса³¹. Объявление Брежневым 15 марта 1982 г. моратория на размещение новых советских ракет также не впечатлило американскую администрацию.

Рейгановская «стратегия сумасшедшего» прикрывалась заведомо тупиковыми «миротворческими инициативами». 18 ноября 1981 г. президент США предложил так называемый «нулевой вариант», который предполагал полный вывод ракет средней дальности из Европы, но опять же за исключением ракет Англии и Франции, а также ракет морского базирования. Все это сохраняло перевес потенциальных противников СССР в ядерных средствах средней дальности и не могло удовлетворить администрацию Брежнева. Впоследствии, когда ситуация в мире существенно изменилась, и опасность внезапного ракетно-ядерного нападения отпала, Горбачев принял вариант Рейгана почти полностью, поставив его в невыгодное положение и заставив идти на решительное свертывание вооружений, готовность к которому была ранее декларирована американской стороной. Похожей была судьба и других масштабных, но, скорее, пропагандистских инициатив Р.Рейгана.

Вопрос о ракетах средней дальности стал одним из важнейших внешнеполитических тупиков, которые сделали невозможным продолжение политики «разрядки». Однако окончательно похоронили ее два международных кризиса — афганский и польский.